

ИБРАГИМ МУМИНОВ

Р
оль
и
место
Амира
Тимура
В
истории
Средней
Азии

„ФАН“

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИБРАГИМ МУМИНОВ

**РОЛЬ
И МЕСТО
АМИРА ТИМУРА
В ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

**В СВЕТЕ
ДАНЫХ
ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УзССР
Ташкент. 1968**

В брошюре на основе марксистско-ленинской методологии характеризуется деятельность Тимура — одной из известных личностей в истории Средней Азии. Создание Тимуром объединенного самостоятельного государства в Мавераннахре способствовало развитию экономики и культуры всей Средней Азии. Тимур был выразителем интересов имущих классов и вся его политика была направлена на то, чтобы удержать трудящиеся массы крестьян и ремесленников в цепях феодальной эксплуатации и угнетения.

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей.

Предлагаемая вниманию уважаемых читателей работа — текст доклада, прочитанного автором этих строк на совещании при Президиуме АН УзССР 5 июня 1968 года. В нем принимали участие: член-корреспондент АН СССР Садыков А. С., академики АН УзССР Рыжов С. Н., Музафаров А. М., Кабулов В. К., Туракулов Я. Х., Набиев М. Н., Сираждинов С. Х., Айбек М. Т., Гулямов Я. Г., Щеглов В. П., члены-корр. АН УзССР Хамудханов М. З., Нурмухамедов М. К., Уразаев Ш. З., Ишанов А. И., Юлдашев М. Ю., Аминова Р. Х., Султанов Ю. С., доктора наук Хайруллаев М. М., Агзамходжаев А., Зияев Х. З., Лунин Б. В., Инояттов Х. Ш., Сулейманов Х. С., Зарифов Х. Т., Хайитметов А. Х., Ремпель Л. И., Пугаченкова Г. А., Фазылов Э., Рашидов Г. Р., Чехович О. Д., Абдуллаев Ф., кандидаты наук Ахунова М. А., Азимджанова С. А., Қаримов У., Муниров К., Камиллов К. К., Мухамеджанов А. Т., Урунбаев А. У., Мирхасилов С., Юсупов Ю. Ю., Шарипов А. Д., Темирходжаев П. С., Бутаходжаев А., Ташмухамедов А. М., Аскарлов А., Мукминова Р. Г. и др.

По докладу выступили Гулямов Я. Г., Ремпель Л. И., Лунин Б. В., Сулейманов Х. С., Ишанов А. И., Уразаев Ш. З., Пугаченкова Г. А., Зияев Х. З., Чехович О. Д., Инояттов Х. Ш., Нурмухамедов М. К., Хайруллаев М. М., Мукминова Р. Г. Выступавшие одобрили основное положение доклада, дали ценные советы автору и высказали мнение о целесообразности публикации его в виде отдельной книги.

В 1969 г. все народы Советского Союза отмечают 2500-летие древнего и вечно молодого Самарканда, сы-

гравшего, в особенности в XIV—XV вв., важную роль во всемирной истории.

В настоящее время ученые нашей страны усиленно готовятся к юбилейной научной сессии и подготавливают двухтомник «Истории Самарканда с древнейших времен до наших дней».

Все это усиливает внимание наших ученых к истории Ренессанса Средней Азии.

Весной 1969 года в Самарканде намечена по линии Юнеско Международная конференция, посвященная изучению искусства эпохи Тимура и Тимуридов в Центральной Азии, и это весьма важное мероприятие выдвигает перед учеными нашей республики ряд неотложных задач.

Идя навстречу требованиям дня, а также пожеланиям, высказанным на совещании, автор в этой небольшой книге, используя данные письменных источников, стремился охарактеризовать место и роль Тимура в истории Средней Азии.

Автор выражает свою глубокую благодарность всем товарищам, участвовавшим в работе совещания и обсуждения доклада и будет считать достигнутой ту цель, которую он поставил перед собой при написании настоящей книги, если высоковыскательные читатели в какой-то мере и степени получают удовлетворение от ее чтения.

И. Муминов

15 июля 1968 г.

Коммунистическая партия, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, организовывала и организует всестороннее изучение ценных культурных памятников прошлого, творчества выдающихся представителей литературы и науки, а также известных исторических деятелей. Причем она учит, что единственно верным научным анализом при выявлении роли тех или иных исторических личностей является конкретный, исторический, классовый подход к характеристике их деятельности. Одной из таких известных в истории личностей являлся Амир Тимур.

Тимур появился на политической арене Мавераннахра в конце 50 — начале 60-х годов XIV в. В это время вместо убитого в междоусобной войне последнего Чингизида Чагатаева улуса Казан-хана правителем стал эмир Казаган (1346—1358 гг.), но и он был убит найоном монголистанского хана Тоглука Тимура.

В феодальном раздробленном Мавераннахре правители Шахрисабза, Бухары, Термеза, Бадахшана, Ходжента, Шаша (Ташкента) постоянно воевали друг с другом. Раздоры, смуты, истребление и ограбление населения, которыми только и занимались эти правители, причиняли неисчислимые страдания и бедствия стране и народу. В этих феодальных войнах принимал участие и Тимур, который благодаря своему таланту и умению выдвинулся как военачальник.

В. И. Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что

они дали нового сравнительно со своими предшественниками»¹.

Взяв за основу это высказывание В. И. Ленина, мы попытались в данной работе определить место и роль Тимура в истории Средней Азии.

I

В жизни и деятельности Амира Тимура бин Тарагай Бахадура четко выражены два периода. Первый период (1360—1386 гг.) для Тимура был характерен тем, что он вместе с тюркской и таджикской знатью, заинтересованной в объединении сил, боролся против раздробленности страны, против междоусобных распрей между кровожадными и корыстолюбивыми мелкими беками и султанами — против центробежных сил средневековья за создание сильного, самостоятельного, независимого от Монгольского ханства феодального государства в Мавераннахре. Во второй период (1386—1402 гг.) велись так называемые трехлетний, пятилетний и семилетний военные походы Тимура, по выражению Шарафуддина Али Йезди — юриш.

Войны, которые вел Тимур за захват территорий Индии, Ирана, Ирака, Закавказья, Египта, Турции, южных районов Руси, безусловно, носили грабительский характер, и этим объясняется тот факт, что в памяти народов, в исторических книгах, летописях этих стран Тимур запечатлен как жестокий завоеватель. В своем сочинении Шарафуддин Али Йезди подробно описывает разрушение городов и сел, истребление людей войсками Тимура. Автор преподносит материал так, что любой здравомыслящий читатель не может не осуждать самым решительным образом то, что совершали войска Тимура в захваченных странах. Правда, Шарафуддин Али Йезди старался найти на все это какие-то объективные причины.

Памятуя известное положение К. Маркса о том, что Тимур дал своему новому царству государственное устройство и законы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые по его приказам совершали его войска², мы в настоящей

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. т. 2, стр. 178.

² К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 184.

работе, основываясь на данных письменных источников, свое внимание сосредоточиваем на выяснении роли и места Тимура в истории Средней Азии.

II

Литература, посвященная Тимуру, его государству и военным походам, весьма многочисленна. В историографии XIV и XV вв. особое место занимает «Зафарнома» Шарафуддина Али Йезди³, состоявшего на службе в главной канцелярии в последние годы жизни Тимура и принимавшего участие в его походах, в частности в Малую Азию. По словам Йезди он написал это произведение по поручению внука Тимура султана Ибрагима, сына Шахруха.

В сочинениях XIV—XV вв. деятельность Тимура освещается то с определенной симпатией, то с известной антипатией к нему. Вместе с тем они содержат богатый фактический материал.

К сожалению, имеющиеся первоисточники еще не изучены с достаточной полнотой и последовательностью, в связи с чем хотелось бы вновь и вновь обратиться к нашим ученым, ко всем исследователям истории Тимура и Тимуридов, истории всей Средней Азии, планомерно, систематически, детально и в контакте друг с другом проводить исследование этой важной эпохи в истории Мавераннахра.

Остановимся на упомянутом выше монументальном сочинении Шарафуддина Али Йезди «Зафарнома», посвященном истории военных походов Тимура.

В конце книги автор свое сочинение называет «Фатхнома»⁴ и сообщает, что написание его завершено в месяце рамазан («Санай арбаеин ва саманмой алхижрат»), т. е. в 840 г. х. (1437 г. н. э.). В заметке научного сотрудника Института востоковедения АН УзССР Абдуллы Насырова по данной рукописи Шарафуддина Али

---

³ Шарафуддин Али Йезди родился в 80-х годах XIV в. в Йезди и в начале XV в. служил в главной канцелярии Тимура в качестве историка-летописца. С 1405 по 1415 г. состоял при дворе сына Тимура — Шахруха. 1415 г. находился на службе сына Шахруха султана Ибрагима. Умер предположительно в 1454 г.

⁴ Зафарнома, Рукописный фонд Института востоковедения АН УзССР, № 4472.

Йезди сказано, что она была начата в 1419 г. и завершена в 1437 г. Следовательно, автор, чтобы составить сочинение объемом в 493 варака, или 986 страниц, трудился 18 лет. Впрочем, в IV томе «Комусул аълам» на 2848-й странице говорится, что данный труд написан в 828 г. х. и в течение четырех лет. Во всех изданиях «Истории Узбекской ССР» (1950, 1955 и 1967 гг.) указывается, что названный труд Шарафуддина Али Йезди составлен в 1425 г. Сопоставляя все эти данные, мы полагаем, что автор завершил свой труд в 1437 г.

Как обычно, вся концепция Шарафуддина Али Йезди построена на традициях историографии средних веков, и его взгляд на историю носит глубоко идеалистический характер.

Вызывает известный интерес определение, данное Шарафуддином Али Йезди истории, в котором, в частности, говорится, что наука история благородна и обладает высоким значением و تاریخ علمی شریفست و Она изучает причины положения, создавшегося в стране, объясняет, благодаря каким мероприятиям государства страна жила „удовлетворенной и приятной жизнью“ и вследствие каких обстоятельств она стала на путь упадка, на путь гибели и что надо делать и чего не следовало бы делать ради прогресса государства. На все эти вопросы отвечает наука история.

«Зафарнома» богата фактическим материалом, что делает ее ценнейшим первоисточником по истории Тимура и его государства. При этом она нередко освещает исторические события красочно и художественно.

Автор утверждает, что его труд, в отличие от подобного рода работ, написан на основе составленного на тюркском языке произведения منظومه ترکی и высказываний самого Тимура, а также очевидцев многих событий.⁵ Весьма ценным следует считать сообщение Шарафуддина Али Йезди о том, что Тимур неоднократно читал написанное, исправлял, а если требовалось дополнительное выяснение, направлял посланников туда,

---

⁵ Зафарнома, стр. 90.

где происходило данное событие, всегда обращал пристальное внимание на достоверность, хронологическую последовательность описываемых событий, а также соответствие их исторической правде⁶.

III

Йезди пишет, что когда в 1360—1361 гг. Амир Хаджи Барлас правитель Кашкадарьинского оазиса, спасаясь от войск Тоглуга-Тимур-хана, бежал в Хорасан, сопровождавший его Тимур понял, что ему необходимо остаться на родине. Он сказал Амир Хаджи Барласу: «Лучше и полезней будет, если Вы направитесь в Хорасан, а я вернусь в Шахрисабз, чтобы спасти от разрушения вилоят, и, чтобы сохранить бразды правления государством, поступлю на службу к хану». Здесь автором приведено изречение Тимура:

ملكى بى سر چون تن بى جان بود
حال تن بى جان يقين ويرانه بود

Страна без главы подобна телу без души.
Состояние тела без души равносильно гибели⁷.

Своеобразный патриотизм и своеобразный взгляд на общественно-социальные события привели Тимура — умного, деятельного, искусного военачальника — к власти, когда ему было всего 25 лет. В том же году умер его отец Амир Тарагай, один из представителей тюркской знати.

Союз, который возник в то время между Амиром Тимуром и Амиром Хусейном, внуком Казагана, и закреплен был женитьбой Тимура на сестре Хусейна, описан Шарафуддином Али Йезди. Летописец рассказывает и о том, как Тимур, дальновидный политик, привлек на свою сторону сарбадаров для борьбы с Ильяс-Ходжой, сыном Тоглуга-Тимур-хана, вторгшимся в Мавераннахр. Далее в «Зафарнома» повествуется о смерти жены Тимура и о разрыве его с Амиром Хусейном, о том, как Тимур, обра-

⁶ Зафарнома, стр. 90.

⁷ Там же, стр. 91.

тился к Кайхисрову — правителю Хатгуляна — Джиляни отказаться от мести за убийство его брата Амиром Хусейном и тем самым положить конец раздорам между правителями. Однако известно, что Кайхисров все же убил Амира Хусейна.

Далее Йезди пишет о казни руководителей Сарбадаров в Самарканде Амиром Хусейном и о спасении Тимуром жизни Мавлона-заде.

Хотелось бы обратить внимание историков на тот факт, что Тимур был связан с некоторыми руководителями движения сарбадаров еще раньше. Об этом достаточно четко и ясно говорится в советской историографии, в частности, в публикациях А. Ю. Якубовского. По какой причине возникла подобная связь, пока еще остается невыясненным. Но, на наш взгляд, их объединила борьба против монгольского ига за создание независимого государства в Мавераннахре. Поэтому многие из руководителей сарбадаров, прежде всего их идеолог и вдохновитель Мавлона-заде, поддерживали Тимура и оказывали ему помощь главным образом в первый период его правления.

В нашей исторической литературе, мне кажется, не совсем точно дается интерпретация термина «сарбадар» как «висельник», так как сарбадары будто бы говорили, что «в случае успеха они освободят народ от насилия монголов и их чиновников, если же это им не удастся, то они готовы пойти на виселицу, так как далее терпеть угнетение невозможно». С нашей точки зрения, сарбадары — организаторы борьбы против монгольского ига, и именно с этих позиций они заявляли: смотрите на виселицу, поднимите головы выше, поднимитесь на борьбу против угнетения, против виселицы, лучше смерть, чем жизнь при порабощении.

Историкам следовало бы всесторонне изучить движение сарбадаров в Мавераннахре вообще, а в Самарканде в особенности, уходящее своими корнями в народные массы и сыгравшее важную роль в социально-экономической и политической жизни Мавераннахра, Самарканда во второй половине XIV в. В частности, представляет интерес дальнейшая судьба Мавлона-заде.

Как уже говорилось, в первый период правления все усилия и стремления Тимура были направлены на создание в Мавераннахре вместо Чагатаева улуса, идущего к упадку, объединенного сильного государства.

Одним из проявлений политики Тимура после завоевания власти было планомерное проведение им курултаев, о которых Шарафуддин Али Йезди в своем сочинении дает относительно более или менее полные сведения на примере курултаев в Карши⁸, Карабаге⁹, Самарканде¹⁰ и т. д., на которые приглашались все цари, вельможи, главные чиновники, администраторы, военачальники и представители аристократии¹¹.

قرلتای فرمود وقت بهار
که پشت زمین شد چوروی نکار
شد ند انجمن جمله شهزاد کان
بزرگان کردان و آزادگان

Таким образом, сочинение Шарафуддина Али Йезди полностью раскрывает классовую природу созываемых Тимуром курултаев, как совещаний высших феодальных слоев. На этих курултаях обсуждались неотложные хозяйственные и военные дела страны, принимались согласованные решения по жизненно важным для страны и государства вопросам¹².

В сочинении Шарафуддина Али Йезди великолепно и с высоким эстетическим вкусом обрисовано проведение в Самарканде большого туя (طوی بزرک) — пышного праздника в честь свадеб сыновей и внуков Тимура. Исполнялись тюркские, персидские, монгольские, китайские, арабские песни и пляски под руководством виртуоза Ходжа Абду Кадыра¹³. Автор с восхищением

⁸ Зафарнома, стр. 357.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 445.

¹¹ Там же, стр. 206--207, 357.

¹² Там же, стр. 357.

¹³ Там же, стр. 462.

рисует зрелище, когда на позолоченных и серебряных посудах подавались гостям самые разнообразных блюда и в их распоряжении было много вина, кумыса, меда, мусаласа, водки (арак عرق) Два месяца длился великий туй, подобно которому никто не видел и не слышал даже во времена Афрасиаба и Фирудунa, пишет наш автор.

Интересно, что после этого празднества Тимур подписал указ, согласно которому отныне повсеместно запрещалось употребление вин по той простой причине, что вино отрывает людей от работы, служит источником недозволенных проступков и порождает злонамеренные действия¹⁴.

Хотелось бы заметить, что в основу данного указа легли не предписания шариата и религии, а практические и политические мотивы.

Очень важно отметить, что Тимур при решении важных вопросов стремился сначала посоветоваться с учеными и сведущими людьми, а потом принимать решения; причем его советы с учеными и сведущими людьми проводились на разном уровне и в многообразных формах. Как правило, Тимур лично беседовал с представителями естественно-математических и астрономических наук, историками, поэтами, литераторами, лингвистами, а также с известными людьми в области теологии по самым насущным, жизненно важным вопросам созданной им мировой державы, включавшей в свой состав, кроме Мавераннахра и Хорезма, всю территорию Золотой и Белой Орды, Хорасан, Индию, Иран, Ирак, Турцию и также, как пишет Йезди, весь Запад — Магриб¹⁵.

Однажды он собрал ученых и служителей культа и выступил перед ними с речью, в которой просил их помочь ему советами в управлении страной, в строительстве различных сооружений и общественных зданий.

В этом отношении представляет также определенный интерес приведенный Шарафуддином Али Йезди факт созыва и проведения собрания известных в государстве Тимура ученых и теологов в 806 г. х. в только что возрожденном г. Баилкан. Тимур, собрав ученых,

---

¹⁴ Зафарнома, стр. 453.

¹⁵ Там же, стр. 288.

сказал им: «Люди, знатоки науки и религии всегда царям в их деяниях оказывали помощь своими советами, а вы мне эту услугу не делаете. Моя цель заключается в том, чтобы вы оказывали содействие в установлении справедливости, в упрочении порядка и спокойствия, чтобы подданные жили в обеспеченности, а страна строилась и развивалась. Вам больше чем кому-либо известно положение дел на местах, администрации, совершенных и совершаемых злоупотреблений властью, притеснения властью простых людей, чтобы вы нам сообщали бы обо всем этом и предприняли меры, обеспечивающие установление шариата и закона, если раньше военные походы за захват других стран занимали нас, теперь мероприятия, направленные на обеспечение спокойствия, составляют главную нашу заботу, прошу вас помочь мне в этом созидательном деле»¹⁶.

При дворе Тимура служили мавлоно Абдужаббар Хорезми, мавлоно Шамсутдин Мунши, мавлоно Абдулла Лисон, мавлоно Бадриддин Ахмед, мавлоно Нигманиддин Хорезми, Ходжа Афзал, мавлоно Алаутдин Каши, Джалал Хаки и многие другие. Тимур особое внимание обращал на развитие таких отраслей знания, как математика — риезиёт, геометрия — хандаса, архитектура — миморлик, астрономия — хаиат, литература, поэзия, история — тарих, музыка — мусики. Он с большим интересом беседовал с мастерами (сахиб хунар).

Мне кажется, что ахтаршунос — звездочет не астролог, а астролог у Тимура не пользовался таким влиянием, как у других феодальных правителей: ахтаршунос нужен был Тимуру для определения времени, для установления направления пути и т. д., т. е. для практических, военных и торговых дел. Так, знавший расположение небесных светил по Полярной звезде (Тимур-Козик) легко определял координаты мест — север, юг, восток, запад, что было очень важно, ибо тогда еще компаса не было; или по Большой Медведице (Етти каракчи) или Венере (Зухро), Самон йули (Млечный путь), Моки (Челнок), Тарози (Весы), Кары (мера измерения длины — 1,5 м), Поза (тыш, наконечник плуга) устанавливал время. Здесь для историков естественных и технических

---

¹⁶ Зафарнома, стр. 268.

наук еще непечатый край работы, подлинно научная целина.

Предметом увлеченности Тимура служила художественная литература, в особенности поэзия, большим знатоком и тонким ценителем которой он был. Во второй половине XIV — первой половине XV в. в Самарканде, Герате, Балхе трудились и создавали свои бессмертные художественные произведения такие выдающиеся деятели тюркской литературы, авторы превосходных стихотворений и на фарси (таджикском языке), как Атоий, Саккокий, Лутфи, о которых возвышенно, с высоким пафосом и глубоким уважением говорил в свое время Алишер Навои.

Важно еще заметить, что, по словам Алишера Навои, с периода царствования Тимура начинает развиваться тюркская художественная литература. Он писал: «Тимур Кураган... хотя и не сочинял стихи, по очень хорошо знает и поэзию, и прозу и кстати, и к месту цитирует надлежащий бейт, что равносильно сочинению тысячи бейтов... Умные люди знают, что в сотни и даже тысячи лет не найти такого тонкого знатока, который бы так кстати высказал бы слово»¹⁷.

V

При Тимуре велись большие строительные работы в Самарканде, в котором за 150 лет до этого никакого крупного строительства не производилось. Об этом сообщают и Шарафуддин Али Йезди, и Рюи Гонзалес де Клавихо — путешественник, посол Испании при дворе Тимура в Самарканде (1403—1406 гг.). Он писал: «В городе Самарканде продается каждый год много различных товаров, которые привозятся туда из Китая, из Индии, из Татарии, из разных других мест и из самого Самаркандского царства, которое очень богато... в нем (Самарканде) не было больше места, где можно было продавать все в порядке, царь приказал провести через город улицу, на которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица должна была начаться в одном конце города и, проходя через

---

¹⁷ Н а в о и й. Асарлар, 12-том, «Мажолисун-Нафонс», Тошкент, 1968, Еттинчи мажлис, бет. 169.

весь город, доходить до другого конца. Эту работу царь поручил двум своим мирассам (мирзам), дав им знать, что если они не приложат к ней всего старания, заставляя работать и день, и ночь, то заплатят головой. Мирассы начали дело и принялись разрушать дома, которые встречались в тех местах, где царь велел провести улицы, чьи бы они ни были, не обращая внимания на хозяев; так что хозяева, видя, что их дома разрушались, собирали все свое добро и все, что у них было, и бежали. Как только одни работники кончали ломать, тотчас являлись другие и продолжали работу. Улицу провели очень широкую и по обеим сторонам поставили палатки; перед каждой палаткой были высокие скамейки, покрытые белыми камнями. Все палатки были двойные, а сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет. Как только оканчивалась работа в палатках, тотчас же помещали в них торговцев, которые продавали в них разные вещи. На некотором расстоянии на улице были устроены водоемы. Народ, работавший здесь, получал плату от города, и работников являлось, сколько бы ни потребовали те, которые заведовали этим делом. Работающие днем уходили, когда наступала ночь, и приходили другие работать ночью, одни ломали дома, другие уравнивали землю, и все они до того шумели и день и ночь, что, казалось, точно тут черти. Прежде чем было сделано столько, что удивительно»¹⁸.

Напомним, что Самарканд, как центр Зарафшанской долины, формировался в VI—V вв. до н. э. Уже в 329 г. до н. э. Александр Македонский увидел, что город представлял собой хорошо укрепленную цитадель Согдианы.

Следующий важный этап в истории города — это период упорной борьбы народа против нашествия арабов; затем несколько веков спустя, орды Чингиз-хана почти полностью разрушили Самарканд, и за все время господства Чагатаева улуса (1220—1360 гг.) здесь, как об этом свидетельствуют исторические данные, не было

---

¹⁸ Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями восстановлен под редакцией И. И. Срезневского, Спб., Типография Императорской Академии наук, 1881, стр. 316.

построено ни одного солидного здания общественного значения.

Видные исследователи истории среднеазиатского искусства Л. И. Ремпель и Г. А. Пугаченкова в своих трудах показали, что в конце XIV—начале XV в. в Мавераннахре вообще и в Самарканде в частности возникло новое синтезированное искусство на основе развития художественной мысли Среднего и Ближнего Востока, воплотившее в себе оригинальную самобытную архитектурную культуру страны. Они отмечают, что с конца XIV в., по мере того, как Мавераннахр становится главным центром творческих сил Ближнего и Среднего Востока, возникает новое направление в искусстве. Это отчетливо сознавали даже современники. Ибн-Араб-шах, например, повествуя о загородных дворцах Тимура, прямо указывает, что они воздвигнуты были «в новом стиле»¹⁹. В частности, поиски новых выразительных средств архитектуры нашли свое отражение в полихромном декоре, достигшем к тому времени невиданного на всем Востоке великолепия.

В области среднеазиатской живописи XIV—XV вв. наблюдается тенденция к использованию наряду с традиционными литературными сюжетами средневековья современной тематики, тяготение к многообразию жанров, совершенствованию мастерства рисунка, композиции и г. д.

Высокого уровня достигли в XV в. декоративно-художественные ремесла, развитие которых шло по пути органической взаимосвязи с архитектурой, живописью, искусством бытовой вещи. Такое взаимопроникновение разнородных искусств наглядно проявляется и в резьбе по дереву и камню, и в ковроткачестве, и в оформлении рукописной книги, и в лучших образцах керамической и металлической посуды.

Тимур построил в Самарканде Кук-Сарай, Соборную мечеть и медресе Бибаханым; мавзолей Шахи-Зинда, сады и дворцы вокруг Самарканда; Баги-Чинар, Баги-Шамал, Баги-Дилькушо, Баги-Бехишт, Баги-Нов. Были проведены дороги, построены мосты через реки Кухак и

---

¹⁹ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины двенадцатого века, М., «Искусство», 1965, стр. 309.

Зарафшан, а затем также мосты через Амударью и Сырдарью, проложены каналы вокруг Ташкента, а также из Сырдарьи в Ахангаран, построено поселение городского типа Ахангаран. Ирригационные сооружения воздвигались наряду с другими постройками и караван-сараями в Бухаре, Шахрисабзе, Фергане, Туркестане. В невиданном для того времени масштабе велось строительство городов, сел, бань, медресе, мавзолеев. К строительству, кроме местных мастеров-архитекторов и ремесленников — сохиби хунар, привлекалось множество строителей, зодчих из завоеванных Тимуром стран.

Почему Тимур избрал Самарканд столицей своей державы? Одни говорят, что Самарканд был первым крупным городом, которым он овладел, другие уверяют, что Тимур понравился климат и природа, окружающая город, третьи полагают, что Самарканд привлек Тимура, так как он известен с древних времен как город, в котором правил страной Тураном знаменитый Афрасиаб.

Нет сомнения, что в каждом из этих предположений содержится доля истины, но объективная причина заключается в том, что Самарканд благодаря своему выгодному географическому расположению оказался в центре Мавераннахра. Город имеет богатые водные ресурсы, окружен с трех сторон горами, здесь сочетаются три воздушных течения: горное, речное, а также полей, лесов и лугов, Самарканд располагает огромными запасами строительных материалов и ценных цветных и редких металлов, которые еще в то время могли быть поставлены на службу государству. Все это вместе взятое служило основанием для выбора Тимуром Самарканда столицей своего государства.

Как верно заметил В. В. Бартольд, Самарканд, по мысли Тимура, должен был сделаться первым городом в мире; внешним выражением этой мысли была постройка вокруг Самарканда ряда селений, получивших название по главным городам мусульманских стран: Багдада, Дамаска, Мисра (Каир), Шераза и Султани.

О Самарканде (Мараканде) писали историки, летописцы древней Греции, о нем слагали песни и газели поэты и писатели, им восхищались путешественники и ученые многих стран Востока и Запада как средоточием художественной и научной мысли, центром чудес-

ных монументальных творений народных умельцев, искусных зодчих, прекрасных строителей, сумевших воплотить и запечатлеть в веках гений родного народа.

«Город Самарканд — писал Клавихо — лежит на равнине и окружен земляным валом и глубокими рвами; он немного больше города Севильи, а вне города построено много домов, присоединяющихся к нему как предместье с разных сторон. Весь окружен садами и виноградниками, которые тянутся в иных местах на полторы лиги, а в иных — на две, и стоит посреди них; между этими садами есть улицы и площади, очень населенные, где живет много народу и продается хлеб, мясо и многое другое, так что то, что выстроено вне вала, гораздо больше того, что внутри. В этих садах, находящихся вне города, есть много больших и важных домов, и у самого царя там есть дворцы и главные кладовые. Кроме того, у многих знатных горожан есть в этих садах дома и помещения. Столько этих садов и виноградников, что когда приезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев и посреди него самый город. По городу и по садам идет много водопроводов. Между этими садами разведено много дынь и хлопка. Дыни в этой стране очень хороши и обильны. Около Рождества у них бывает столько дынь и винограда, что удивительно: каждый день приезжают верблюды, нагруженные дынями в таком количестве, что нельзя не изумляться, как они продаются и потребляются; а в селениях их столько, что их сушат и сохраняют как фиги, и держат их для другого года. Сушат их таким способом: режут поперек большими кусками, срезают кожу и кладут на солнце, а когда высохнут, складывают их вместе, кладут в мешки и так берегут до следующего года. Вне города есть большие равнины, на которых находятся большие и многолюдные селения, где царь поселил людей, присланных им из других покоренных им стран.

...Эта земля богата всем: и хлебом, и вином, и плодами, и птицами, и разным мясом; бараны там очень большие с большими хвостами: есть бараны с хвостами весом в 20 фунтов, столько, сколько человек может удержать в руке. И этих баранов столько, и они так дешевы, что когда царь был там со своим войском, пара их стоила дукат. Другие товары были также дешевы, что за одно мери, которое стоит полреала, давали полторы фанеги

ячменю. Хлеб там дешев, как нельзя больше, а рису просто нет конца. Так изобилен и богат этот город и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться; и за это богатство он и был назван Самаркандом. Настоящее имя его Симедкинд, что значит богатое селение, так как симес у них значит большое, (полное), а кинд—селение; и отсюда взялось имя Самарканд. Богатство его заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях, атласе, камокане, сендале, тафте и терсенале, которых там делается очень много, в подкладках из меха и шелка, притираниях, пряностях, красках золотой и лазоревой и в разных других произведениях. Поэтому царь так хотел возвеличить этот город, и какие страны он ни завоевывал и ни покорял, отовсюду привозил людей, чтобы они населяли город и окрестную землю; особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам. Из Дамаска привез он всяких мастеров, каких только мог найти: таких, которые ткут разные шелковые ткани, таких, что делают луки для стрельбы и разное вооружение, таких, что обрабатывают стекло и глину, которая у них самая лучшая во всем мире. Из Турции привез он стрелков и других ремесленников, каких мог найти каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось; и столько их привез, что каких угодно мастеров и ремесленников можно найти в этом городе. Кроме того, он привез инженеров и бомбардиров и тех, которые делают веревки для машин; они посеяли коноплю и лен, которых до тех пор не было в этой земле. Столько всякого народу со всех земель собрал он в этот город как мужчин, так и женщин, что всего говорят, было больше полутора тысяч человек. Между ними было много разных племен: турок и арабов, мавров и других народов, армянских христиан и греков-католиков, и наскоринов, и якобитов, и тех христиан, которые совершают крещение огнем на лиц и имеют некоторые особые понятия. Этому народу было столько, что он не мог поместиться ни в их городах, ни на площадях, ни на улицах, ни в селениях; и даже вне города, под деревьями и в пещерах его было удивительно как много. Кроме этого, город изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран: из Руси (Руси. — И. М.) и Татари приходят кожи и полотна, из Китая шелковые ткани, которые в этой стране приготовляются всего луч-

ше, особенно атласы, считающиеся лучшими в мире; а самые лучшие те, которые без узоров. Кроме того, привозится мускус, которого нет нигде на свете, кроме Китая; рубины и брильянты, так что большая часть тех, которые есть в этой стране, привозятся оттуда; жемчуг, ремень и много разных пряностей... Из Индии в этот город идут мелкие пряности... мускатные орехи, гвоздика, мускатый цвет, корица, имбирь, цветы корицы, мань и разные другие, которые не отправляются в Александрию. В городе есть много площадей, где продают мясо, вареное и приготовленное разным образом, и кур, и птиц, очень чисто приготовленных, также хлеб и плоды, все в большой чистоте; эти площади и днем и ночью полны, и на них идет постоянно большая торговля. Также есть много мясных, где продают мясо, и кур, и куропаток, и фазанов, и все можно найти днем и ночью. В конце города стоит замок, с внешней стороны как будто на плоском пространстве, но окруженный очень глубоким рвом, который образуется ручьем, и от этого рва замок делает неприступным. В нем царь хранил свою казну, и туда не входил никто, кроме алькада и его людей; в этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы, и круглый год работали на него. Когда царь выехал из этого города воевать в Турцию и разрушил Дамаск, он приказал, чтобы все те, которые должны были идти в его войске, взяли с собой своих жен; что если их оставят, то он дает им позволение делать, что хотят. Это он сделал потому, что намеревался быть в отсутствии семь лет, воюя со своими врагами; и обещал и поклялся не вступать в этот город, пока не пройдет семь лет»²⁰.

Спустя примерно 95—100 лет после Клавихо, внук Абусайда Мирзы, правнука Тимура, Захириддин Мухаммад Бабур (1483—1530), дважды овладевший Самаркандом, писал: Самарканд — удивительно благоустроенный город. У этого города есть одна особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай. Есть там хорошие пекарни и харчевни»²¹. Далее Бабур отмечает:

²⁰ Зафарнома, стр. 325--331.

²¹ Бабурнаме, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 62.

«Лучшая бумага в мире получается из Самарканда: вся вода для бумажных жувоз — мельниц приходит с Кани-Ги́ла. Кани-Гил находится на берегах Саях-Яба, этот ручей называют также Аб-и-Рахмат. Еще один самаркандский товар — малиновый бархат. Его вывозят во все края и страны»²².

Живо и увлекательно описывая Самарканд и подчиненные ему туманы и области до Бухары, Бабур Мирза пишет, что «нет ни одного йигача пути, где бы не было селения или возделанных земель; они настолько знамениты, что слова Тимурбека «у меня есть сад, который тянется на тридцать йигачей, [вероятно], сказаны об этих туманах»²³. (Йигач, на мой взгляд, равен приблизительно 6—8 километрам, ибо расстояние от Самарканда до Бухары, как известно, составляет 240 километров.

Согласно сведениям Мирзы Бабура, Самарканд имел такие ворота, как Фируза, Аханин, Шейхзаде, Газуристан, Сузангаран и Чорраха, а внутренняя окружная стена крепости Самарканда равнялась десяти тысячам шестистам шагам. Утверждая, что Самарканд построен Искандером, Бабур пишет, что его называют Симезкендом, и дальше, продолжая, он говорит, что «раньше Тимурбека ни один государь, столь великий, как Тимурбек, не объявлял Самарканд столицей»²⁴.

При Тимуре большое внимание уделялось развитию ремесел, земледелия, скотоводства и торговли, как важнейшим источникам могущества государства. В этом отношении ценен факт, о котором писал Шарафуддин Али Йезди в «Зафарнома»: Тимур «подданных Мавераннахра освободил от налогов на три года», тем самым облегчил экономическое положение дехкан-земледельцев и ремесленников.

Наши историки еще в 40-х годах писали о крайней необходимости всестороннего исследования социально-экономических отношений в феодальном государстве Тимура. С тех пор прошло более 25 лет, однако, к сожалению, мы не имеем еще опубликованных капитальных научных работ по данной проблеме. Весьма ценные архивные исторические документы помогли бы нам

---

²² Бабурнаме, Ташкент. Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 62.

²³ Там же, стр. 64.

²⁴ Бабурнаме, стр. 59.

вскрыть, в частности, глубокие классовые отношения и антагонистические противоречия, политические течения и борьбу между ними в государстве Тимура.

VI

Небезынтересна созданная Тимуром система управления страной. Укажем на то, что, кроме главной администрации — канцелярии (Дивони-бузрук), в каждой области существовала администрация — канцелярия, так называемый диван, ведавшая всеми государственными делами: сбором налогов, поддержанием порядка, содержанием общественных зданий, ирригационной сети и наблюдением за населением. Каждый диван вел дафтары — тетради учета главным образом дохода и расхода на тюркском и таджикском языках.

Али Йезди пишет, что во дворе Тимура чтецы, толкователи и писари говорили и писали как на тюркском, так и на таджикском языках²⁵.

Можно назвать находящийся в фондах Института востоковедения документ на тюркском (староузбекском) языке «Указ с печатями Амир Тимура бин Мухаммад Тарагай Бахадура» (1391 г.), в котором говорится о льготах, предоставленных потомкам Абу Муслима. Этот и подобные ему документы могли бы заинтересовать и историков, и экономистов, и лингвистов.

Сам Тимур, кроме своего родного тюркского — узбекского языка, как писал академик Бартольд, в совершенстве знал забони-фарси — таджикский язык.

Согласно предписанию Тимура, время от времени производились допросы (пурсиш), ревизии (тафтиш), и проверки (таккик). Причем злоупотребления жестоко наказывались. Шарафуддин Али Йезди в «Зафарнома» сообщает, что Тимур наказывал за злоупотребления даже самых близких ему людей, например, сына Мироншаха и внука Амир Зада Пирмухамеда. Когда речь шла о чести, достоинстве, интересе государства, Амир Тимур, по словам Йезди, не щадил ни себя, ни своих сыновей, ни внуков, ни родственников. В своих государственных делах он оставался непоколебимым.

---

²⁵ Зафарнома, стр. 91.

Тимур обладал умом государственного деятеля и полководца. В труде «Тюзик-и-Тимур»²⁶ раскрыты взгляды Тимура на общество, социально-политическую жизнь, мировоззрение правителя. Во всех частях данного сочинения Тимур превозносится как благодетель. На самом же деле о тяжелом положении ремесленников, кустарей, трудящихся масс при Тимуре говорят факты, о которых писал Клавихо в своем «Дневнике». Множество миниатюр XV в., дошедших до нас, также отображают бедность земледельцев, крестьян, кустарей. Государству Тимура были присущи контрасты: роскошь знатных, нищета простых людей, находившихся под неограниченной эксплуатацией имущих классов. Поэтому в Мавераннахре шла острая классовая борьба, и задача наших историков — всесторонне изучить имеющиеся в Институте востоковедения АН УзССР фонды государственных архивов и документы. Это позволит на исторических и конкретных фактах показать формы и методы эксплуатации трудовых масс в государстве Тимура.

Вот некоторые из основных положений, изложенных в «Тюзик-и-Тимур»: «В государстве, вновь подчиненном моей власти, я оказывал почет тем, которые были того достойны; я обращался с величайшим уважением и почтением с потомками Пророка, учителями закона, учени-

---

²⁶ По поводу «Тюзик-и-Тимура» нет единого общепринятого мнения в исторической литературе. Отдельные историки пишут, что действительно его автор Тимур, другие считают, что «Тюзик-и-Тимур» составлена его секретарями, третьи полагают, что вообще на тюркском языке подобного произведения не было, оно появилось позже, в XVII в., на фарси-таджикском языке, написано другими летописцами. Нам кажется, в объективном решении данного вопроса помогает Шарафуддин Али Йезди, писавший на 90—91 стр. «Зафарнома» о том, что было написано на тюркском языке сочинение в главной канцелярии Тимура и отредактировано Тимуром на тюркском языке. Об этом сочинении и заявлении переводчика Абу-Талиба Хусаина, переводившего в 1610 г. «Тюзик-и-Тимур» с тюркского языка на фарси сообщают нам Г. Вамбери в своей книге «История Бухары» и Н. О. Остроумов — издатель «Уложения Тимура».

«Тюзик-и-Тимур», изданная в 1308 г. х. в Бомбее на фарси, богата тюркскими терминами, которым дается на фарси объяснение. Все эти аргументы дают основание предполагать, что действительно этот труд первоначально был составлен на тюркском языке и при Тимуре. Но это мнение, разумеется, можно считать окончательно решенным лишь тогда, когда где-нибудь в книгохранилищах мира обнаружится подлинник «Тюзик-и-Тимур».

ми и старцами, я назначил им жалованье, пенсии; вельможи этой страны становились как бы моими братьями, а сироты и бедные — моими детьми. Армия покоренной страны входила в состав моей армии, и я старался привлечь любовь народа. Тем не менее я держал своих подданных между страхом и надеждой. С добрыми, к какой бы национальности они бы ни принадлежали, я обходился с добротой, но злые и изменники изгонялись из моего государства. Я удерживал людей трусливых и низких в положении, которое им соответствовало, не допуская их возвышения за известные границы. Я расточал почести и отличия вельможам и знати. Врата справедливости были открыты во всех подвластных мне странах, в то же время я заботился, чтобы все пути к грабежу и разбою были закрыты.

Правитель покоренной провинции оставался при своей должности, осыпая его благодеяниями, я мог вполне рассчитывать на его верность и преданность. Но непокорный не замедлял попадаться в свои собственные сети. Тогда я его замещал правителем справедливым и деятельным. Я приказал наказывать по закону Ясса (закону Чингиз-хана) разбойников и грабителей больших дорог и изгонять из моих владений бунтовщиков и изменников.

Я не желал, чтобы пути были терпимы в провинциях. Я назначил в городах и городских кварталах профоса, который должен был заботиться о безопасности народа и солдат. Все кражи, совершенные в его участке, лежали на его ответственности.

На больших дорогах была расставлена стража, чтобы делать разъезды и обезопасить сообщения. Путешественники и купцы имели право требовать, чтобы их вещи и богатства были конвоированы этой стражей, которая отвечала за каждую пропавшую вещь.

Строго запрещалось судьям наказывать граждан по обвинениям и наветам людей, подозрительных и неблагонамеренных. Но по убеждению, основанному на четырех показаниях, на виновного налагался штраф, соразмерный с его преступлением.

Не позволялось взимать ни подушного сбора, ни пошлыны в городах и предместьях. Ни один солдат не имел права занять постоем дома частного лица или присвоить себе стадо и имущество гражданина.

Во всех делах, касавшихся народа какой-либо провинции, правителям было приказано строго держаться в пределах справедливости. Для уничтожения нищенства я основал приюты, где бедные получали содержание»²⁷.

Эти установки, по мнению Тимура, должны обеспечить справедливое управление страной и государством.

Справедливость, по Тимуру, толковалась с позиции интересов имущих классов с таким расчетом, чтобы удержать массы крестьян и ремесленников в цепях феодального угнетения и эксплуатации.

Кроме того, очень важное значение имеет положение Тимура о налогах: «При сборе податей нужно остерегаться обременять народ податями или опустошать провинции, потому что разорение народа ведет за собой обеднение государственной казны, а несостоятельность казны имеет следствием рассеяние военных сил, что в свою очередь ведет к ослаблению власти.

Когда я завоевывал какую-нибудь область, или она мне сдавалась на капитуляцию, что избавляло ее от губительных последствий войны, то приказывал собрать сведения о доходах и производительности этой области.

Если народ желал оставить прежний порядок управления, то согласовывались с его желанием, в противном же случае подати собирались на установленном мною правиле. Подати определялись производительностью земли и соответственно установленными оценками. Например, если землевладелец имел земли, орошаемые постоянными арыками, водопроводами, лишь бы эти воды текли непрерывно, то доход с таких земель делился на три части, причем $\frac{2}{3}$ оставались владельцу, а $\frac{1}{3}$ взималась сборщиком.

Если подданный желал платить деньгами, то часть сбора оценивалась по текущим ценам, а солдаты получали жалованье сообразно со стоимостью съестных припасов. Если же и подобное распределение не нравилось подданным, то взимались произведения с трех десятин отдельно. С первой — собиралось 3 меры, со второй — 2 меры, а с третьей — 1 мера. Половина засеивалась хлебом, и другая — ячменем и взималась половина всего урожая. Если подданный отказывался платить натурой,

---

²⁷ Уложение Тимура (Тамерлана), изд-е Н. Остроумова, Казань, Типография императорского университета, 1894, стр 71.

то оценивали меру хлеба в пять серебряных мискалей, а меру ячменя — в 2 1/2 мискаля. Но сверх этого с народа не дозволялось ничего требовать под каким бы то ни было предлогом. Что касается прочих произведений почвы в течение осени, весны, зимы и лета и местностей, которые орошались только дождем, то они делились на две части, с которых взимались треть или четверть.

Налоги на траву, фрукты и другие сельские продукты так же, как на хозяйственные принадлежности, резервуары, пастбища и другие ценные земельные угодья, оставались без изменения; если же подданный был недоволен, то избирался другой порядок.

Строго воспрещалось брать подати раньше уборки хлеба, и уплата производилась в три определенных срока. Если подданные платили охотно, то дело обходилось без сборщика; если же в таковом являлась надобность, то он должен был действовать словом и влиянием для сбора государственной подати, но никогда не должен был прибегать к палке, веревкам, кнуту или цепям; вообще он не имел права прибегать к жестоким мерам против личности должника.

Земледелец, который работал и бросил невозделанную землю, сделал на ней насаждения, или сделал годными для посева заброшенные земли, освобождался от податей первый год; второй год он мог внести столько, сколько ему заблагорассудится; в третий же год он подчинялся общему постановлению о налогах. Если богатый землевладелец или человек могущественный притеснял бедного или причинял ему какой-нибудь убыток, то притеснитель отвечал за это своим имуществом, вознаграждая угнетенного.

Что касалось земель заброшенных и никому не принадлежащих, то я предложил серьезно заботиться о том, чтобы их возделывали. Если же земля оставалась без обработки по причине бедности ее владельца, то ему давались необходимые земледельческие орудия. Я приказывал расчищать засоренные арыки, исправлять и строить мосты на реках и воздвигать караван-саран на расстоянии одного дня пути. При караван-сараях находились смотрители и дорожная стража. Они заботились о безопасности путешественников и отвечали за произведенные у них кражи. В каждом городе я приказал построить мечеть, общественную школу, монастырь,

богадельню для бедных и убогих и больницу, при которой находился врач. Я требовал, чтобы в городах строились также здания городской думы и судебной палаты; я учредил особую стражу для народа за засеянными полями и за безопасность граждан.

В каждую область я назначил трех визирей. Первый был для народа. Он вел точный и верный счет податям, уплачиваемым подданными, донося мне о сумме их с объяснениями, по какому праву и под каким наименованием они были взимаемы. Второй был для солдат. Он вел счет суммам, им уплачиваемым, и тем, которые им еще следовало получить. Третий наблюдал за собственностью отсутствующих и странствующих, над полями, покинутыми на волю ветра. С согласия судьи и представителя духовной власти в руки этого визиря переходили имущества сумасшедших, неизвестных наследников и преступников, лишенных прав законом. Имущества умерших переходили к законным наследникам, если же таковых не оказывалось, эти имущества обращались на богоугодные заведения или же отсылались в Мекку»²⁸.

В этих правилах отражена сущность налоговой политики Тимура и нетрудно определить классовый ее характер, направленный на сохранение и укрепление феодальной собственности как главного источника мощи его феодального государства.

Общеизвестно, что основной и верной опорой Тимура были его войска, считавшиеся тогда лучшими во всем азиатском мире. Военная история называет Тимура в числе крупнейших полководцев средневековой Азии. Его военное дарование раскрылось в двух направлениях: как реорганизатора войска и как полководца²⁹.

Армия его состояла из подразделений: десяток — унлик, сотен — юзлик, тысяч — минглик, которыми руководили соответствующие военачальники. Как правило, они последовательно подчинялись друг другу: по принципу подразделение с меньшим числом людей подразделению с большим числом. Армейские соединения включали кушун — армию, кушунот — несколько армий, каждая из которых соответственно обстановке составля-

²⁸ Уложение Тимура (Тамерлана), стр. 76—80.

²⁹ История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, стр. 453.

ла сердцевины — калби-ляшкар, правое крыло — унгул-бронгар, левое — сунгул-джувонгар, авангард — манглай. Армия состояла из конницы и пехоты, высоко оценивалась в ставке (боргах) Тимура разведка — илгар.

На службе Тимура состояли такие военачальники, как Амир Ходжа Сайфитдин, Амир Сулейман Хаш, Амир Ок Буга, Амир Сорибуга, Амир Брандик, Худойдот Хусейн Бахадир, Шейх Али Бахадир, Тимур Тош, Баратходжа, Амир Дауд Барлас, Умар Аббас, Махмудшах Бухари, Амир Муайнд Арлад, Туман Бердыбек и др.

Следует заметить, что в крупных сражениях за становление Тимурова государства непосредственное участие принимали во главе войск его сыновья — Амирзаде Мухаммад Джахангир, Умар-шейх, Мироншах, Шахрух и внуки — Амир Зада Пирмухаммад Мухаммад Султан — сын Джахангира — самый любимый внук Тимура был назначен его наследником.

Автор «Зафарнома» красочно рассказывает об одном из парадов войск Тимура: «Находясь на царски украшенной возвышенности, Тимур принимал парад шестисот войсковых соединений, которые с ног до головы одеты в железное обмундирование, шли строгими рядами, размеренными шагами, со знаменами и музыкой, своего рода фанфарами, проходили перед ним и с приближением к его стоянке, снявшись со своих коней, командиры отделились от своих частей и, подойдя близко к Тимуру, с поклоном произносили слова похвалы ему, выражая свою и подчиненных преданность его «святому» делу. При чем каждое соединение имело свое-специальное обмундирование, как например, красное или белое, синее или оранжевое и т. д., а некоторые целиком в кольчуге, какой цвет обмундирования, таков и цвет всех оружий»³⁰.

Окружение и пленение Баязеда вместе с его огромным, двухсоттысячным войском близ Анкары в 1402 г. — одна из самых блестящих побед Тимура, торжество его военной доктрины, разработанной на основе опыта войны прошлых времен и опыта, приобретенного в многочисленных сражениях, которые вел он сам.

---

³⁰ Зафарнома, стр. 405.

Победа Тимура над Баязедом принесла ему широкую известность и в странах Западной Европы. К этому времени относится усиление дипломатических и торговых связей Самарканда с западноевропейскими странами.

VI

В интересной статье профессора Самаркандского университета им. Алишера Навои И. И. Умнякова³¹ приведен богатый исторический материал, относящийся к этому периоду.

Наше внимание в данном случае привлекло обращение Тимура к королям Англии и Франции, а также письма королев Англии и Франции к Тимуру по поводу установления дипломатических отношений и развития торговых связей.

Завладев всеми основными трассами международной, так называемой «шелковой» дороги, идущей из европейских стран в Индию и Китай и обратно через Среднюю Азию, Тимур предпринимает меры по обеспечению безопасности караванов на этом пути и уделяет исключительное внимание всестороннему развитию торговых отношений между Востоком и Западом. В этом вопросе Тимур проявляет себя как дипломат, развивает бурную деятельность в установлении и укреплении экономических связей с Византией, Венецией, Генуей, Испанией, Францией, иначе говоря, с наиболее развитыми в то время европейскими государствами. Это подтверждают и вышеприведенные письма французского и английского королей. Ни различие языка, религии, нации не помешали Тимуру первым использовать эти весьма важные акции в деле установления и укрепления как дипломатических, так и торговых отношений с названными странами Европы. Подобные отношения еще более усиливались в связи с победой Тимура над «молниеносным» Баязедом. Тимур становится наиболее популярнейшим государем в Европе.

---

³¹ И. И. Умняков. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV века (доклад на XXV международном конгрессе востоковедов, отд. оттиск), М., 1960, стр. 6—7.

Будучи политиком, Тимур, опираясь на ислам, использовал авторитет мусульманского духовенства для укрепления своего единодержавия, впрочем с этой же целью он использовал и другие религиозные верования.

Множество интереснейших фактов содержит «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.» Клавихо. Приведу один пример, взятый из названного «Дневника». Характеризуя путешествие своих коллег, которые были с ним, Клавихо писал: «Они отпраздновали, и с ними поехал тот рыцарь, которого царь послал к ним навстречу; он оказывал им большой почет и распоряжался, чтоб им везде давали пищу и все, что было нужно. Кроме того, каждый день им давали свежих царских лошадей, чтобы они могли ехать скорее; так как по приказанию царя были приготовлены лошади через каждый день пути, в одном месте сто, в другом двести; и так были устроены дороги до самого Самарканда. Те, кого царь посылал куда-нибудь, или кто ехал к нему, должны были ехать на этих лошадях как можно скорее, день и ночь. Эти лошади были заготовлены в местах пустых так же, как и в населенных; а в местах, где не было населения, царь приказал построить большие дома вроде гостиниц и назначил, чтоб жители ближайших городов и местностей доставляли туда лошадей и провизию; при этих лошадях были люди, которые берегли их и смотрели за ними; этих людей звали анчо. Таким образом, когда приезжают царские посланники или кто-нибудь другой с вестями к царю, тотчас эти люди берут лошадей, на которых они приехали, снимают с них седла и седлают других, которые у них есть, и когда они уезжают оттуда, с ними едет один или два из этих анчо, которые заботятся о лошадях; когда они приезжают в другое место, где есть царские лошади, тот ворочается со своими лошадьми, и едет другой. Этого мало. Если какая-нибудь из этих лошадей устанет дорогой, и они увидят другую, где бы то ни было или у какого бы то ни было другого человека, который едет своей дорогой, то его заставляют сойти с лошади и берут ее себе, а царскую лошадь анчо берет в запас. Обычай таков, что если кто-нибудь едет по дороге верхом, будь он князь или какой-нибудь другой человек или купец, и посланник или кто другой, кто отправляется к царю,

скажет, чтоб он встал и отдал ему лошадь, так как он едет к царю, или пошлет его с каким-нибудь поручением, он должен отдать сейчас и не смеет сказать нет, потому что за это заплатит головою: такова воля царя. Даже берут лошадей у войска, и много раз посланники брали их у войска для себя и заставляли идти их сзади за собою, чтобы получить лошадей назад. И не только можно брать их у всяких таких людей, но даже, говорят, что можно отнять у сына царя или у жены его, если будет недостаток в лошадях; и посланникам рассказывали, что уже случалось, как послы, ехавшие к великому царю, заставляли сходить с лошадей старшего царского сына. И не только одна эта дорога так снабжена лошадьми, но все его земли; так что при безостановочной езде он может получать в несколько дней вести из всех своих земель и со всех границ»³².

VIII

Знаком истории Средней Азии, всемирно известный востоковед, академик В. В. Бартольд высказывает одно исторически ценное положение: «Мнение, будто Тимур всюду, кроме Самарканда, выступал разрушителем, преувеличено; им были произведены грандиозные оросительные работы в таких отдаленных от Самарканда местностях, как долина Кабула и Муганская степь»³³.

На наш взгляд, критическое замечание редакции по изданию сочинений В. В. Бартольда о том, что автор преувеличивает деятельность Тимура, не очень убедительно, и поэтому соответственно исторической правде нашим историкам следовало бы вести исследование и в этом направлении.

Привлекают внимание в этом аспекте и высказывания Шарафуддина Али Йезди:

«Было приказано в течение года восстановить Багдад, дабы он приобрел снова свой облик, развивалось в нем ремесло, росло земледелие в его окрестностях, расширилась торговля и культурная жизнь, исламское знание

---

³² Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг., стр. 119—201.

³³ В. В. Бартольд. Сочинение, т. II, ч. I, М., ИВЛ, 1963, стр. 159—160.

распространилось так же, как прежде. Это дело поручалось Амир-Заде Абубекру»³⁴.

Тимур восстановил и город Баилкан: «Из жженого кирпича было построено много жилых домов, базар, площадь, бани, парк и были вырыты каналы в город из реки Аракс. При этом все строительные работы были распределены между войсковыми соединениями, и в течение одного месяца появился новый, уже восстановленный город — крепость Баилкан; в течение года были воздвигнуты оборонительные окружные стены и другие сооружения»³⁵. Протяженность окружных стен составляла 200 тыс. гяз (гяз — примерно 1,5 м). Эти и другие многочисленные сведения, почерпнутые из исторических документов, позволяют с уверенностью опровергнуть заявления некоторых буржуазных историков, которые утверждают, что Тимур, кроме «разрушения и пепла, ничего не оставил после себя», «Тамерлан и Чингиз-хан делали одно и то же» и т. д.

IX

Большой интерес представляет издание «Уложения Тимура (Тамерлана)», подготовленное к печати Н. П. Остроумовым. В высшей мере интересны сведения, приведенные издателем в предисловии к книге:

«Уложение» было написано, по словам некоторых мусульманских писателей, самим Тимуром, а по словам других — под его диктовку секретарями его. В предисловии к персидскому переводу «Уложения» упоминается, что первоначально оно было написано на тюркском языке и носило чисто тюркское название «Тюзик-и-Тимур». Это правдоподобно: Тимур и сам был тюрк и господствующая часть его подданных были тюрки по народности. Поэтому можно думать, что «Уложение» его было написано на языке господствующей народности — на тюркском языке. Но дальнейшая судьба этого первоначального текста довольно странная и неясная: по словам Абу-Талиба Хусаина, тюркский подлинник «Уложения» поступил в библиотеку йеменского паши Джафара, для которого около 1610 года Абу-Талиб сделал персидский перевод. Этот перевод был издан в 1783 году в Оксфорде

³⁴ Зафарнома, стр. 433-а.

³⁵ Там же, 441-а

майором Дэви совместно с профессором арабского языка Уайтом. К персидскому тексту они присоединили английский перевод и указатель. С этого текста Лянглэ в 1787 году обнародовал французский перевод.

К переводу прибавлены предисловие, краткая биография Тимура и примечания географические и исторические. С этого французского перевода и сделан русский перевод Тимурова «Уложения».

Издание этого выдающегося исторического литературного памятника на русском языке Н. П. Остроумовым имело большое значение для исторической науки.

В предисловии Н. П. Остроумова к названной книге приводится мнение переводчика на французский язык «Тюзик-и-Тимура» в 1787 г. Л. Лянглэ о Тимуре.

Хотелось бы ознакомить читателей с основными мыслями Л. Лянглэ о пленении Баязеда Тимуром и оценкой, данной им Тимуром.

«Утомленный трудами этого дня, Тимур лег в постель, когда привели в его палатку Баязеда со связанными руками и ногами. При неожиданном виде этого государя взволнованный победитель не мог удержаться от слез: он пошел к Баязеду навстречу и, приказавши освободить его от оков, ввел его в приемную залу.

Тогда, посадив своего пленника около себя, Тимур сказал: «Баязед! Обвиняйте самого себя за свои несчастья: это — шипы того дерева, которое вы посадили. Я просил у вас только легкого удовлетворения, а ваш отказ заставил меня поступить с вами так, как я вовсе не желал... Я не только не хотел вредить вам, но и намеревался помочь вам в ваших войнах против неверных. Ваше упорство все погубило. Увы! Если бы успех был на вашей стороне, то я знаю, как бы вы поступили со мной и с моей армией. Тем не менее будьте спокойны: вам нечего бояться; спасением вашей жизни я хочу возблагодарить небо за свою победу»³⁶.

После этих слов он приказал поставить для Баязеда палатку возле своего помещения и оказал своему знаменитому пленнику все почести, какие оказываются в этих случаях.

---

³⁶ Жизнь Тимура, Сочинения Лянглэ, Перевод Н. Суворова, Ташкент, 1890, стр. 38—41.

Такое поведение не соответствует тому, что приписывает Тимуру Арабшах, его заклятый враг, а также греческие и турецкие авторы, несправедливо обвинившие Тимура за зло, причиненное их странам. Они рассказывают, что Тимур не только не освободил Баязеда от оков, но, напротив, заковал его в столь тяжелые цепи, что последний с трудом мог их носить. Они пишут, что Тимур заключил своего пленника в железную клетку, столь низкую, что она служила этому бесчеловечному победителю подножкой для влезания на лошадь. Наконец, Тимур, по их словам, заставил Баязеда присутствовать на распутном пиршестве, на котором этот последний имел несчастье видеть своих жен и дочерей полунагими, прислуживающими за столом: оттого-де с этого времени османские государи не женятся более, а имеют только наложниц. Они опасаются, чтобы их законные жены не подверглись бы подобным же оскорблениям. Все эти сомнительные доводы были справедливо опровергнуты Вольтером в его «*Essai sur les moeurs et le génie des nations!*». Но чтобы нас не обвинили в том, что мы придерживаемся мнения писателя новейших времен, необходимо отметить, что Шарафуддин Али Йезди, следовавший за Тимуром в поход против Баязеда и история которого составлена по самым достоверным материалам, не подтверждает жестокого отношения Тимура к пленному³⁷.

Другой пример, взятый из сочинения Лянглэ. «Тимур благосклонно относился к ученым и доверял тем, в которых он видел честность наравне с познаниями. Он сходил часто с трона, чтобы запросто беседовать с историками и философами и со всеми людьми, сведущими в науках или в администрации, которая была главным предметом его забот. К способности покорять людей Тимур присоединял еще талант делать их счастливыми под своим владычеством; и, как это говорит один из его историков (Шерифеддин), он был в одно и то же время бичом своих врагов, идолом своих солдат и отцом своих народов. Он сам лично удостоверялся в положении своих подданных, которым давал хороших начальников, ибо он умел распознавать людей и лично заботиться об их выборе.

---

³⁷ Жизнь Тимура, Сочинения Лянглэ, Перевод Н. Суворова, Ташкент, 1890, стр. 38—41.

Из всех удовольствий, которым предаются в свободное время властелины земли, Тимур занимался только схотой или игрой в шахматы, которую он усовершенствовал»³⁸.

Никогда его забавы не были разорительными для его подданных; они не отвлекали его от прямых обязанностей.

«Хороший царь, — писал Тимур, — никогда не имеет достаточно времени, чтобы царствовать. Мы вынуждены работать в пользу подданных, которых всемогущий поручил нам как священный залог. Это всегда будет моим главным занятием, ибо я не хочу, чтобы в день страшного суда бедные тянули меня за края одежды, прося мщения против меня».

Тимур высоко ценил дружбу, он хорошо знал, что дружба может быть оплачена только дружбой, а богатства могут служить для того, чтобы нанимать ему воинов или льстецов. Любовь, которую он питал к благочестивому Иمامу Береке, слезы, которые он пролил, узнав о смерти этого пророка, — превосходные черты, в особенности в лице всемогущего властелина³⁸.

В предисловии к «Уложению» Н. П. Остроумовым еще приведены выдержки из книги немецкого историка Ф. Шлоссера (1770—1861) «Всемирная история». Этим трудом пользовался К. Маркс при составлении своих хронологических выписок. Ф. Шлоссер о Тимуре писал:

«Счастливый воин, новый завоеватель мира, бывший в то же время законодателем самого отдаленного Востока, соединил в Азии тактические и стратегические познания с умением приковывать к себе хищные орды. Подобно предводителям средневековых наемников, он возвысился тем, что, продавая услуги князьям, являлся к ним с испытанными воинами...

Проводя жизнь в походах, Тимур часто возвращался в Бухару и Самарканд и дал своему новому государству Уложение и законы, представляющие разительное противоречие со зверством, жестокостями и разрушениями, производимыми по его повелению татарскими ордами.

³⁸ Жизнь Тимура, Сочинения Ленглез, Перевод Н. Суворова, Ташкент, 1890, стр. 38—41. Арабшах говорит, что он видел во дворце Тимура один круглый шахматный стол, другой продолговатый, а третий большой. Все фигуры отделаны Тимуром, чтобы представить более верно эволюцию солдат.

По нашему мнению, не стоит даже обращать внимания на то, что говорят о государственной мудрости Тимура, о нравственных и политических его принципах и о книгах, содержащих в себе его гений. Мы передаем только действительное, ищем прозу, истину и историю, а не поэзию и романтизм, и презираем то, что пишут льстецы. Нам известно, что Тимур возбуждал в своих ордах кровожадность и зверство, что его татаро-монголы, похотившие на тигров, истребляли людей тысячами, что его сыщики шныряли во всех странах, что у него была организована целая система шпионства, причем ему необыкновенно деятельно помогали всякие дервиши, факиры и даже христианские монахи»³⁹.

Мнение историка Г. Вебера о Тимуре передаем по предисловию той же книги:

«Тимур был бесчеловечно жесток с врагами, но имел великие таланты полководца, правителя и законодателя, ненавидел ложь, не был лишен любви к знаниям; в его стане находились толпы поэтов, ученых, музыкантов и мистиков (суфи)... Тимур прошел по Азии как разрушительный ураган, низвергающий все, встречаемое им. Он оставлял за собой пепелища и пирамиды, сложенные из человеческих голов. Но в спокойном настроении духа он был справедливым судьей, другом образованности, покровителем художников и ученых, с которыми любил беседовать. Залитое кровью царство Тимура скоро распалось.

Тимур был ужасен своей свирепостью, все-таки он и как человек, и как правитель стоял выше Баязеда, который думал только о завоеваниях, пренебрегал всеми другими делами, предоставил управление государством своему алчному и развратному великому визирю Али Паше, отдал области на произвол корыстолюбивых и продажных судей и правителей».

Приведем здесь (по той же книге) и мнение профессора Т. П. Грановского (1813—1855): «В деятельности Тимура не должно искать господствующей, основной политической мысли. Похвалы некоторых иных историков, например Гаммера, которые видят в железном хромце основателя какой-то особенной цивилизации, очевидно, натянуты. Где следы и признаки этой цивили-

---

³⁹ Всемирная история, т. 8, Спб., 1870, стр. 503—504.

зации? Тимур был одержим ненасытной жаждою деятельности, но у него не было определенной и ясно осознанной цели».

Герман Вамбери, проникший в 1860—1870 гг. в Бухару дервишем под псевдонимом Ходжи Абдурашида и ставший имамом в одной из бухарских мечетей, впоследствии профессор восточных языков и литературы в Пештском университете, в XI главе своей книги «История Бухары»⁴⁰ писал о Тимуре: «Особенное значение Тимура в истории Средней Азии видно из того, что его правление положило начало новой династии (Тимуриды) и новому периоду среднеазиатской культуры, который может быть назван тюркским по преимуществу. Кроме того, Тимур получил известность в Средней Азии как автор «Уложения» («Тюзик-и-Тимур»), которое он написал при жизни своей в назидание и для руководства своим преемникам. Это «Уложение» было написано им на языке его времени и отличалось простотою и выразительностью. С тюркского оригинала (неизвестно где находящегося) был сделан персидский перевод, с которого потом появились переводы на европейские языки».

Там же: «Тимур собрал несметные сокровища и богатства из всех частей Азии, но он их не берет как скряга. Это доказывает, во-первых, роскошное содержание его двора, во-вторых, сооружение колоссальных и великолепных зданий, которыми он украшал и свою резиденцию, и свой родной город».

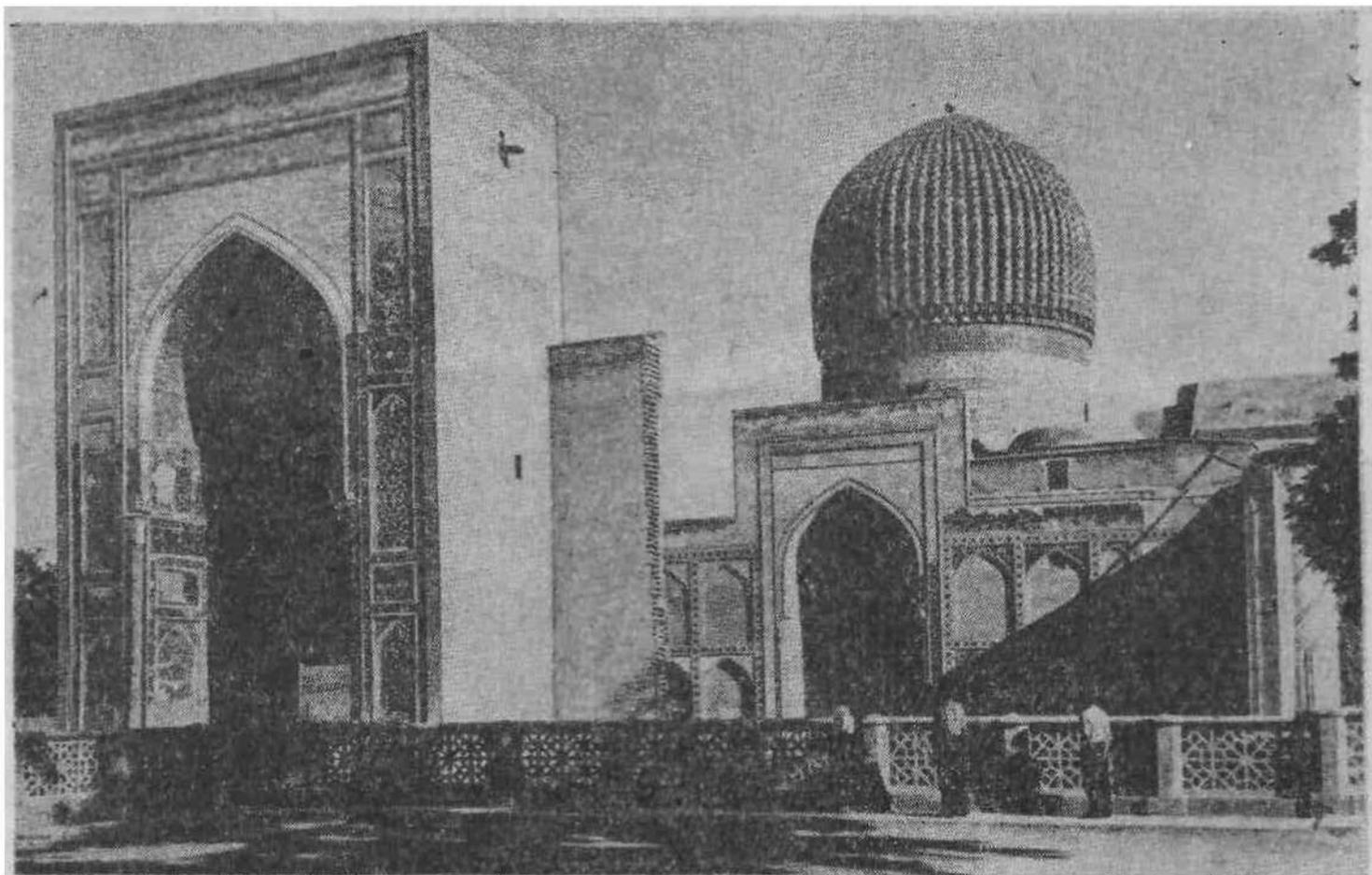
Еще: «Поэтому вдвойне ошибочно мнение тех, которые ставят Тимура наравне с Чингиз-ханом и называют его диким, своевольным тираном. Он был прежде азиатским воителем, который употреблял в дело свое победоносное оружие по обычаю своего времени; даже гнусные деяния и опустошения, в которых упрекают его враги, были возмездием за какое-нибудь преступление, правда, слишком строгим, но всегда справедливым. В Исфагани и Ширазе он желал отомстить за кровь своих солдат, изменнически пролитуую»⁴¹.

О характере и нравах Тимура много писали его современники.

---

⁴⁰ Г. Вамбери. История Бухары, т. I, Спб., 1873.

⁴¹ Там же, стр. 217—237 или по кн. «Жизнь Тимура», стр. 70—71.

Гур-Эмир в Самарканде

«Тимур был высок ростом, могуч в плечах, с широким лбом на крупной голове; он обладал большой физической силой, кожа у него была белая, а лицо красное, пальцы толстые, развевающаяся борода, одна рука парализована, хром на правую ногу, взгляд сверкающий, голос звучащий, он не ведал страха смерти и достиг восьмидесяти лет, полностью сохранив духовную и физическую силу»⁴², пишет Бабара Брей в своей статье «Ибн Халдун», ссылаясь на свидетельство одного арабского летописца.

Примечательно, что известный историк, явный противник Тимура, Ахмед бин Мухаммад бин Арабшах, именовавший Тимура тираном и извергом, писал о нем следующее: «Тимур был хорошо сложен, высокого роста; имел открытый лоб, большую голову, сильный голос, и его сила не уступала его храбрости; яркий румянец оживлял белизну лица. Он имел широкие плечи, толстые пальцы, длинные бедра, сильные мускулы. Он носил длинную бороду; правая рука и нога его были изувечены. Его взгляд был довольно ласков. Он пренебрегал смертью; и хотя ему немного не хватало до 80 лет, когда он умер, он все-таки еще не потерял ни своего гения, ни своей неустранимости. Он был врагом лжи; шутки его не забавляли. Он не позволял разговаривать при себе о разбоях, убийствах и изнасилованиях женщин; он любил выслушивать правду, как бы она ни была жестока. Хорошие или плохие успехи не производили никакого впечатления на расположение его духа. Друг храбрых солдат, сам полный мужества, он умел заставить уважать себя и повиноваться»⁴³.

Известный историк, продолжавший традиции автора книги «История Бухары» Наршахи, внесший ценнейший вклад в мировую науку, Шарафуддин Али Йезди в своем не раз уже упоминавшемся монументальном труде «Зафарнома» описывает жизнь и походы Тимура.

Шарафуддин Али Йезди подчеркивает, что одной из характерных черт Тимура была постоянная забота о государстве, стране, подданных, а правила его — «Рости друсти» راستی درستى. «Правда — здоровье, правда — порядок, правда — справедливость».

⁴² Журн. «Курьер», Орган Юнеско, 1966, № 6, стр. 8.

⁴³ Арабшах. Сочинения, т. II, стр. 798 или по кн. «Жизнь Тимура», стр. 52—54.

Нам представляется, что Тимур правду понимал и истолковывал с позиции защиты интересов феодальной знати, заинтересованной в сильном, объединенном, самостоятельном государстве, в котором осуществлялось бы развитие экономики и культуры.

В книге Л. Лянглэ и «Истории Бухары» Г. Вамбери «Рости друсти» даны в такой транскрипции — «Расти: русти» и написано: правда — спасение, т. е. истина спасает от опасности. Нам кажется, следует признать более правильной формулу Рости друсти.

Еще несколько изречений, о которых пишет Шарафуддин Али Йезди, — «Камар бар миён ва сано бар забон» — ремень на пояснице и славословие на языке, иначе говоря: действие и речь в едином строю, — любил произносить Тимур.

Уместно будет вспомнить здесь известный афоризм, высказанный Ходжа Богоуддином, умершим при Тимуре в 1380 г. в Бухаре, основоположником ордена Накшбанди, гласивший:

Дил ба ёру,
Даст бакор (Сердце — возлюбленному,
А рука — делу).

«Муруват ва марди пеши холик ва халонк махмудаст» — человеколюбие и мужество прославляются как всевышним, так и народом, — говорил не один раз Тимур.

«Агар Сардор баддил ва бежигар бошад бар лашкар шикаст ояд» — если военачальник бессердечный и безрассудный, то не миновать войскам поражения, — утверждал Тимур.

Руководствуясь этими изречениями, согласно Шарафуддину Али Йезди, Тимур совершал свои деяния.

Шарафуддин Али Йезди возвеличивает и идеализирует личность Тимура, называя его сахибкироном — обладателем звезды высочайшего счастья, хумаюном — светлейшим, камкори офтоб давлатитюрк — могущественным солнцем Тюркского государств и он-хозретом — августейшим государем.

Как видно из вышеприведенных утверждений различных авторов феодальной и буржуазной историографии, существует взаимно исключаящие, а также противоречивые по своему сюжету оценки, данные Тимуру как исторической личности.

Объективная, в основном правильная, научная оценка Тимура дана советскими историками, прежде всего марксистом-востоковедом А. Ю. Якубовским в написанной им главе «Истории народов Узбекистана», изданной АН УзССР в 1950 г. в Ташкенте и в последующих ее изданиях — 1955 и 1967 гг.

А. Ю. Якубовский, указывая на противоречивые моменты в военной деятельности Тимура путем конкретно-исторического подхода к событиям и раскрывая их диалектическую связь, писал:

«Разгром на Тереке и опустошение Сарая Берке в 1395 г. нанесли Золотой Орде непоправимый удар. Хребет государства, причинившего столько зла древней Руси, был переломлен, и после 1395 года Золотая Орда стала явно клониться к упадку. Разгром Мамая в 1380 году на Куликовом поле был первым и главным ударом, нанесенным Золотой Орде; поражение на Тереке в 1395 году и разгром Сарая являлись завершающим ударом. Хотя Тимур вел борьбу с Золотой Ордой из-за среднеазиатских интересов и без контакта с московским князем, о котором не имел даже ясного представления, тем не менее объективно он не только добился объединения Средней Азии, но и оказал большую услугу Руси.

Если борьба Тимура с Хорезмом и Золотой Ордой была вызвана интересами объединения Средней Азии в сильное государство, то его походы в Иран, Закавказье и более отдаленные страны носили чисто грабительский характер»⁴⁴.

Еще об одной услуге Тимура писал А. Ю. Якубовский, оказанной на этот раз им европейским народам: «В 1400 г. войска Тимура выступают на отдаленном от Средней Азии Западе и ведут борьбу с турецким султаном Баязедом I и египетским султаном Фараджем. Тогда были захвачены Тимуром многие страны как, например, Сивас в Малой Азии и Халеп (Алеппо) в Сирии. В 1402 г. Тимур имел второе, на этот раз решающее столкновение с Баязедом при Анхаре. Это было, пожалуй, самое крупное сражение того времени. С обеих

⁴⁴ История народов Узбекистана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1950, стр. 356.

сторон действовали армии, численностью превышавшие 200 тысяч воинов каждая. В битве при Анкаре могущественный османский султан Баязед был наголову разбит и взят в плен. Значение этой битвы огромно не только в истории Азии. Сам того не подозревая, Тимур вторично оказал услугу европейским народам. Победа при Анкаре в 1402 г. и пленение Баязета почти на 50 лет отсрочили завоевание Константинополя турками-османами»⁴⁵.

Я хотел бы добавить, что Тимур оказал такую же услугу и народам Северной Африки, прежде всего Египта, устранив опасность захвата их земель Баязедом Елдиримом, хотя впоследствии Египет, как и Византия, признал верховную власть Тимура и подчинился ему.

Марксистско-ленинская наука не отрицает, а признает и научно доказывает роль личности в истории, исходя из условий конкретной эпохи, выдвинувшей данную личность, и из того нового, что дала данная личность по сравнению с предыдущей эпохой и в интересах каких классов она совершала свои деяния, насколько была отражена потребность времени в действии этой личности.

Маркс и Энгельс, обосновав материалистическое понимание социальных явлений, исторических событий, открыли объективные законы развития человечества и одновременно указывали, что, признавая решающую роль народных масс в истории, нельзя отрицать роль случайности в ней. В частности, великие исторические люди появляются благодаря реальным потребностям данной социально-экономической обстановки, соответственно задачам, вызванным общественными силами данной страны, данного периода времени.

«То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Если мы этого человека вычеркнем, то появляется спрос на то, чтобы заместить его кем-нибудь, и такой заместитель находится — хорошо или плохо, но с течением времени находится»⁴⁶.

Какая же историческая обстановка сложилась в 40—50-х годах XIV в. в Мавераннахре?

⁴⁵ История народов Узбекистана, ... стр. 356.

⁴⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, М., 1933, стр. 300.

В это время стала выделяться часть феодальной знати, заинтересованной в сильной, самостоятельной от монгольского ханства власти. Это можно проследить по денежной и административной реформам и действиям Кебек-хана из Чагатайского улуса (1318—1326 гг.), то же самое стремился делать Казан-хан — последний Чингизид и его преемники.

С другой стороны, и самое главное, широкие народные массы восстанавливали ирригационную сеть, земледелие, ремесла, одновременно боролись против междоусобных войн, своеволия мелких феодальных правителей, против набегов разбойничьих войск Монголистанского ханства и Золотой Орды. Стремление широких масс ярко выражалось в сарбадарском движении.

Появление сильной личности из феодальной знати или из представителей трудовых масс в то время было исторически необходимо.

Появление Тимура в Средней Азии из семьи бека барласа Тарагая в кишлаке Ходжа-Ильгара было чистой случайностью. Но именно такая личность была потребностью времени, потребностью эпохи, она была необходима стране, раздробленной между феодальными удельными князьями улуса Чагатая, разоренной, бесконечно терзаемой непрерывными нашествиями монгольских ханов и беков Золотой Орды, измученной в течение 150-летнего иноземного господства. Тимур как государственный деятель отражал в известной мере эту потребность, создав объединенное самостоятельное государство в Мавераннахре. Он организовал огромные строительные работы, идя навстречу требованиям имущих классов — крупных землевладельцев, купцов и в определенной мере — населения в целом, установил по крайней мере на сто лет более или менее относительное спокойствие в стране, что, несомненно, служило важным фактором роста экономики, культуры, науки, литературы и искусства. В этом, на мой взгляд, состоит историческая заслуга Тимура в истории Средней Азии.

Последующие правители Мавераннахра и Хорасана — Шахрух, Улугбек, Мирза Абу Саид, Султан Ахмад, Хусейн Байкара, особенно Бабур и Акбаршах в Индии — продолжали лучшие традиции, сложившиеся в Средней Азии при Тимуре, связанные с развитием экономики и культуры.

Тимура, строителя и ценителя культуры, уважают народы Средней Азии, вниманием окружен его мавзоль в Самарканде. Соответственно современной нам научной и технической мысли в наше время ведется грандиозная работа по консервации оставшейся части медресе — мечети Бибиханум — монументального памятника времен Тимура.

Общеизвестно, какие колоссальные реставрационные работы осуществлены за 50 лет Советской власти в Бухаре, Хиве, Ташкенте, особенно в Самарканде, например по восстановлению медресе Улугбека, Ширдора, Тиллякори, по сохранению остатков знаменитой обсерватории, как изо дня в день хорошеет древняя площадь Регистан.

За эти годы преобразился Самарканд; многочисленные предприятия машиностроительной, химической, шелкоткацкой промышленности ныне украшают его. В окрестностях Самарканда увеличивается производство цветных и редких металлов, строятся водохранилище, каналы, в их числе гигант современных ирригационных сооружений — Каттакурганское искусственное море с миллиардами кубических метров воды, орошающее безбрежные поля хлебов, виноградников, фруктовых садов и хлопковых плантаций. Развиваются каракулеводство и шелководство. Самарканд — это большой промышленный и культурный центр с высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами, оперным театром. В одном Государственном университете им. А. Навои обучаются 12 тыс. студентов.

Самарканд с населением более 250 тыс. человек в 1969 г. празднует свое славное 2500-летие. В каждой семье труженика Самарканда, как и в семьях тружеников необъятной страны Советов, гармонически сочетаются творческий труд и разумный отдых на благо великого и могучего социалистического отечества. И в этих чудесных делах советских людей проявляется созидательный характер, жизненная сила и величие ленинской национальной политики Коммунистической партии.

РОЛЬ И МЕСТО
ТИМУРА В ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

Редактор *И. Я. Шапиро*
Художник *В. Сословя*
Технический редактор *З. Горьковая*
Корректор *О. Вахмина*

Р01876. Сдано в набор 10/VIII-68 г. Подписано к печати 20/VIII-68 г.
Формат 84×108¹/₈, бум. л.—3,0 печ. л. Уч.-изд. л. 2,5 Изд. № 2844.
Тираж 5000. Цена 18 к. Заказ 165.

Типография Из-ва „Фан“ УзССР г. Ташкент, ул. Черданцева, 21.
Адрес Изд-ва: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 18 к.